

The background of the cover is a painting of a vast, open landscape. The sky is a deep blue with soft, white clouds. The ground is a mix of golden-brown and dark brown, suggesting a field or a plain. In the distance, there are low, rolling hills. On the right side, there is a vertical, textured element that looks like a piece of wood or a rock face, with some intricate, possibly carved or painted, patterns. The overall style is expressive and somewhat abstract.

Сергей Шангин

СТРАННЫЕ ЛЮДИ

рассказы

Сергей Шангин

Странные люди

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10009668

ISBN 9785447410186

Аннотация

За годы накопились отдельные рассказы, раскиданные на просторах Интернета. Захотелось увидеть их в одном месте, под единой «крышей», чтобы читатель смог понять автора и его отношение к миру, жизни, людям. Согласитесь, что люди – весьма странные создания: непредсказуемые, упрямые, романтические и эгоистичные, добрые и крохоборы, душевные и безликие. Но это все люди, с которыми мы постоянно общаемся и порой весьма тесно. Есть ли жизнь в жизни, и что дает нам силу жить и радоваться жизни?

Содержание

Вместо предисловия	5
Жизнь коротка	6
Лютики-цветочки	8
Ни слова о любви...	12
Самоубийца	14
К гадалке не ходи	25
Нежные чувства	32
Доктор	41
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Странные люди

Сергей Шангин

© Сергей Шангин, 2019

ISBN 978-5-4474-1018-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вместо предисловия

За годы накопились отдельные рассказы, раскиданные на просторах интернета. Захотелось увидеть их в одном месте, под единой «крышей», чтобы читатель смог понять автора и его отношение к миру, жизни, людям.

Согласитесь, что люди – весьма странные создания: непредсказуемые, упрямые, романтические и эгоистичные, добрые и крохоборы, душевные и безликие. Но это все люди, с которыми мы постоянно общаемся и порой весьма тесно. Есть ли жизнь в жизни и что дает нам силу жить и радоваться жизни?

Жизнь коротка

Жизнь коротка и не стоит напрасно тратить время, обижаясь на нее. Жизнь коротка и она стоит того, чтобы наслаждаться каждым ее мгновением. Вы слышали, как поют курские соловьи? Нет? Ну и черт с ними, лучше выпейте пива и спойте сами. После третьей кружки ваше пение будет казаться вам самой приятной песней, а жизнь удивительной и прекрасной.

Вот идет девушка, она не похожа на ту, что вы видели тут же, но вчера. Эта еще моложе, еще красивее и стреляет глазками в вашу сторону. Да бросьте вы это пиво, жизнь коротка, бегите за девушкой и спросите, как ее зовут. Спешите жить, иначе совсем скоро при виде вас девушки будут испытывать только жалость.

Вам нужна жалость? Ну ее к черту, пусть ее подадут бесплатно по четвергам убогим духом, мы то еще о-го-го, мы то еще можем, хотя жизнь коротка и половина ее прошла в размышлениях кем быть.

Зато впереди лучшая половина жизни, ее расцвет, хотя... если задуматься и прикинуть месячный бюджет оставляемый в аптеке, расцвет больше напоминает цветущее болото. К черту болото, у нас опыт жизни, мы столько знаем, мы можем научить, по нам нужно равняться, если конечно мы сможем разогнуться от не вовремя схватившего нас радикулита.

Жизнь коротка, но мы помним каждое ее мгновение, хотя не так чтобы подряд и не так чтобы очень уж далеко. Особенно помнится детство, потом как-то сразу армия и беспросветное будущее. Будущее помнится, потому что всю жизнь все хорошее у нас было впереди. А когда мы туда вперед добежали, оказалось поезд ушел и нас ждут на следующей станции, но бюджет, аптека, радикулит и девушки, которые мажут вслед не нам уходящим, а им молодым и бегущим.

Жизнь коротка, поэтому не тратьте время понапрасну, бросьте вы эту чушь читать и спешите жить! Пока не аптека, пока девушки, пока тело молодо и полно жизнью. Ваш поезд не там на следующей станции, а тут вокруг вас. Вы уже в нем и вместе с ним несетесь по жизни. Все лучшее рядом с вами, спешите сказать ему, вашему окружению все доброе и светлое. Лучше сейчас, а не потом в завещании. Живое слово, лучше любой писанины.

Жизнь коротка и ее надо прожить! Прожить, чтобы понять зачем вам это надо. А и не поймете, не страшно, никто не выставит оценку и не запишет в дневник вашей жизни: «Контрольная работа не зачтена! Пересдача на осень!» А и пусть запишут! Я с удовольствием пересдам, всю, день за днем, еще разочек...

Пусть напишут!

Лютики-цветочки

Остановка. Жду маршрутку. Еще пять минут и «Могу опоздать!» перерастет в уверенное «Ну вот, опоздала!». Ли-хорадочно кручу головой, выискивая взглядом скучающе-го таксиста, в кошельке есть полтинник, жаль, но придется с ним расстаться. Взгляд натывается на странное для утренней остановки зрелище – парень у цветочного киоска с охапкой ромашек.

Торгует что ли? Вроде нет. Оглядывается по сторонам, смотрит на часы, неужели ждет девушку? Утреннее свидание! Как это здорово быть девушкой, которую ждет такой парень с таким восхитительным букетом. Ну почему не я бегу к нему на свидание? Я бы плюнула на вечно опаздывающие троллейбусы и маршрутки, схватила бы такси и босиком полетела бы к милому.

Славный мальчик, молодой, русоволосый, по-спортивно-му подтянутый, вовсе не похож на пацана с загнутыми пальцами. Нетипичный для нашего времени, слишком простой, слишком влюбленный. Хотя как знать, разве может быть слишком много влюбленности? Чертовски приятно, когда тебя любят, ждут, звонят и спрашивают, когда мы снова встретимся, скучают по тебе и не скрывают этого.

Господи, когда это было? Иногда кажется, что молодость, любовь, свидания под дождем и шуршащие желтые листья

под ногами были чьим-то сном, картиной, прочитанной книгой, подслушанным рассказом. Словно все это было в чьей-то другой жизни, до обидного похожей на твою собственную.

Вот и продавщица в цветочном киоске, похоже, думает о том же. А о чем еще мы можем думать, глупые бабы, кроме любви? Увидели парня с букетом, и сразу в сердце звякнула льдинка, что-то растаяло, поплыло, так захотелось любви, нежных слов, признаний в любви, подарков с милыми сердцу пожеланиями. Смотрит продавщица, аж в окошечко высунулась, хочется ей увидеть, что же за чудо прибежит на свидание? Посмотрит и вздохнет грустно, нам такие парни не светят. А может быть и наоборот, скептически улыбнется, мол мы то на класс круче, пойти что ли отбить парня у простушки?

Глупости все это, а сердечко то бьется, томится. Признайся, Светка, самой до смерти хочется увидеть эту счастливицу! Хотя нет, врешь ведь, на самом деле тебе хочется увидеть, что она не придет и тогда... А что будет тогда? Он загрустит, тяжело вздохнет, сунет букет в мусорную урну, как в бетонную вазу, и пойдет по своим делам, оставив урну радовать глаз прохожих чудесной ромашковой шапкой.

А может быть и не выбросит, подойдет к тебе и скажет: «Девушка, у вас такие грустные глаза. Можно я подарю вам эти ромашки? Очень хочется увидеть вашу улыбку!» А я улыбнусь широко-широко и скажу: «Можно! Спасибо! Я так люблю цветы!» И не скажу еще больше: «Мне так давно

не дарили цветы просто так, без повода! Мне так приятно, что вы... ты... можно я буду называть тебя на ты? Так приятно, что ты подарил этот букет именно мне!»

Глупости, сама ведь понимаешь, что не светит такое чудо, потому и вздыхаешь тяжело, потому и забыла, что на работу опаздываешь. Стоишь, как приклеенная, и весь мир сосредоточился в этой маленькой сцене с одним единственным актером. Готова все на свете отдать, чтобы узнать, чем закончится этот спектакль.

Эй, мальчик, ты чего загрустил? С нами это бывает, мы иногда опаздываем, брось печалиться, она придет! Ой, он на меня посмотрел! Подумал наверное: «Что за дура пялится?» Улыбнулся, ко мне идет! Ой, мамочка! Как я выгляжу, быстро вспоминай изображение в зеркале! Господи, ну зачем я надела эту дурацкую шляпу? Стоп, Светка, прекрати истерику! Он просто идет, он пройдет мимо, его девушка стоит у тебя за спиной, он ее увидел, сейчас он пройдет...

– Здравствуйте, девушка! Вы любите цветы?

Это он мне? Зачем я оглянулась назад, как глупо это все выглядит со стороны, чего я молчу, как статуя?

– З-здравствуйте, люблю!

– У вас такие красивые глаза, только грустные. Можно я подарю вам цветы, вы не обидитесь? Не подумайте ничего плохого, очень хочется увидеть, как вы улыбаетесь! У вас должна быть красивая солнечная улыбка. Это вам!

Он протягивает мне охапку ромашек, я хватаю их и при-

жимаю к груди, на лице неудержимо расплывается отчаянно счастливая улыбка, почему-то хочется плакать.

– Вам очень идет улыбка, вы очень красивая!

Он улыбается мне, вздыхает и шагает мимо меня в открытую дверь троллейбуса. Я даже не заметила, как он подъехал. Двери закрываются, троллейбус уносит в неизвестность сказку, мой троллейбус, мою сказку. А я стою и улыбаюсь, сердце щемит странная боль, такая сладкая, такая острая, такая желанная. Продавщица в киоске прикладывает платочек к глазам, тоже плачет. Почему тоже? Господи, да ведь и у меня глаза на мокром месте, а я даже платочек достать не могу.

Не могу и не хочу, пусть текут, пусть все видят – у меня сегодня счастливое утро, мне подарили счастье, мне подарили букет цветов, просто так, за красивые глаза! Я хочу жить, мир прекрасен, я буду верить в сказки, потому что они сбываются!

Ни слова о любви...

Мне кажется, что я его... нет, нельзя, нельзя произносить это слово. Оно как омут – затягивает, заставляет забыть о жизни и собственных чувствах. Стоит его произнести и начинаешь видеть мир в других красках – розовых или черных в зависимости от его улыбки.

Он опять не улыбнулся мне при встрече, прошел мимо, слегка кивнув, словно не он говорил мне о... Вот опять, это слово как настырная кошка пытается пролезть в малейшую брешь моей шаткой защиты. Впрочем, защитой это можно назвать весьма условно – ветхое ограждение из жалких оговорок и намеков.

Он был занят... у него проблема с контрактом... ему нельзя проявлять чувства на людях... все равно он меня... дура! Ему совершенно нет до тебя дела. Вспомни, расшевели болото памяти, нащупай в топкой глубине всепрощения тот единственный день, когда он жарко шептал тебе на ухо страстные слова признания. Его руки блуждали по твоему телу и ты разрешала им то, что никогда не разрешила бы случайному человеку.

Хотя... всего за час до этого он был именно тем самым случайным человеком. Вы совершенно неожиданно оказались рядом за столиком на корпоративной вечеринке, он удивленно посмотрел на тебя и похвалил твои духи. Ты рас-

таяла – надо же, он точно угадал марку духов и они, как это ни странно, оказались его любимыми духами.

Он был сильно навеселе, шел четвертый час праздника, никто ни в чем себе не отказывал – как никак десятилетие фирмы. В такие моменты стираются грани между высшими и низшими, всеми овладевает чувство радости и... Опять, стоит немного расслабиться и оно тотчас прыгает в прореху.

Задай себе один маленький, но очень противный вопрос – если бы он тогда был трезв, услышала бы ты его признания, польстился бы он на твое не самое фигуристое тело? И напоследок, заколачивая гвозди в крышку гроба твоих надежд, маленький, крошечный вопросик – он вообще помнит о твоём существовании и своих словах?

Звонок. Телефон. Кому-то звонят. Ой, это же мой телефон.

– Алло? Да, это я. Хорошо, я подготовлю отчет. Спасибо!

Это он, он говорил так ласково и нежно, словно весь день думал обо мне, он назвал меня умницей, и я слышала, как он тихонько чмокнул трубочку, словно хотел передать мне нежный поцелуй. Мир снова стал розовым и счастливым. За спиной расправляются крылья и душа стремится в полет! Господи, какие глупости приходят в голову из-за всяких пустяков!

Самоубийца

Верочка смотрела в черную воду и слезы сами собой текли по щекам. Она стояла на узеньком выступе металлической обвязки моста, крепко прижавшись спиной к холодному железу. Достаточно отпустить руки – и...

– Холодно, ч-черт. Из-з-з-вините, у вас не найдется з-з-закурить?

Верочка вздрогнула от неожиданности, пальцы едва не соскользнули, и она судорожно вцепилась в балку.

– Что?! – спросила она неизвестно кого.

Бред какой-то. Наверное, кто-то с другой стороны беседует с кем-то. Они не видят ее и не имеют к ней никакого отношения. Как ужасно! Она громко всхлипнула, тотчас же испугалась и тихонько шмыгнула носом. Вдруг услышат, полезут со своими дурацкими советами, будут упрашивать не делать этого безвозвратного поступка.

– Пр-р-р-ошу пр-р-р-ощения, я, быть может, некстати? Не обращайтесь на меня внимания, если я вам помешал.

Нет, это не на мосту, голос явно обращен к ней и звучит он слишком близко. Верочка медленно повернула голову вправо – никого. А может быть это галлюцинации? Она помаленьку сходит с ума, стоя над холодной водой на краешке...

– Я с другой с-с-стороны, д-д-девушка.

Вера обреченно вздохнула и обернулась в другую сторо-

ну. Нет, не галлюцинация, слишком уж ужасно выглядит. Если бы это был глюк, то, скорее всего, он выглядел бы посимпатичнее. Я бы увидела случайно заблудившегося Брэда Пита... А этот? Небритый, лохматый, как черт, худой, как кот после дождя, в одной рубашке на ветру, бр-р-р, ему же холодно.

– Ужасно холодно, брр! – вздрогнул он, словно подслушав ее мысли. – Вы не возражаете?

Верочка помотала головой, не понимая, чего от нее добивается этот странный человек. Мужчина заглянул через перила, вздохнул и полез на наружную сторону моста.

– Осторожнее! – испуганно пискнула Верочка внезапно севшим голосом. – Там скользко!

– А? Что? – мужчина уже перелез через перила, встал на железный карниз и обернулся на Верочкино восклицание.

В тот же момент его нога соскользнула с карниза, дернувшись всем телом, он судорожно вцепился в решетку. Верочка напряглась, душой рванулась к мужчине, но тело ее сильнее вжалось в железную балку. Одна часть ее души рвалась помочь мужчине, другая кричала: «Ты с ума сошла! Какое тебе до него дело? Ты же на половину покойница!»

– Ч-ч-черт, ч-ч-чуть не с-с-свалился, уф-ф-ф! – мужчина осторожно подтянул себя повыше, помялся немного, привыкая к размерам опоры под ногами, и решительно перевернулся, как и Верочка, спиной к железной балке.

– Вам не холодно без пальто? – Верочка понимала, что во-

прос дурацкий, но очень хотелось что-то сказать этому нелепому человеку, в столь неподходящее время оказавшемуся в столь неподходящем месте.

Хотя, с другой стороны, если подумать, у дураков мысли сходятся. Она вздохнула. Раз уж ей в трудный момент жизни захотелось прыгнуть с моста в воду и тем самым решить все проблемы, значит и другому идиоту вполне могла придти в голову подобная мысль.

– Ужасно холодно. Я как-то не подумал, что на дворе сентябрь. Выбежал в чем был.

Мужчина замолчал, размышляя о чем-то ужасно важном, более важном, чем Верочкина судьба. Так всегда, подумала Верочка, никому нет до меня дела. И этот такой же... эгоист. Мужчина вздрогнул, словно последнее слово было произнесено Верочкой вслух.

– Извините, задумался. Ужасно хочется курить. У вас случайно нет сигаретки или папироски? – с надеждой в голосе спросил он.

– Нет. Извините. Я не курю! – в голосе Верочки звучало смущение. – А вы знаете, курить вредно, капля никотина убивает лошадь! – из обороны она моментально перешла в атаку и тут же пристыжено замолчала.

Ведь именно так всегда поступала ее старшая сестра и мама, чем ты лучше них? Вот ведь как все нелепо, человек попросил, а у нее нет. Могла бы просто так держать в сумочке. Ну, кто знал-то?

– Да я ничего, – вздохнул мужчина и обреченно устался в черную воду, – я ведь не курю. Так просто... захотелось попробовать напоследок... обидно, что никогда не узнаешь, как это курить...

– Ни-ког-да, – по слогам прошептала Верочка и снова всхлипнула.

Она тоже никогда не узнает, как это закурить и пустить дым носом и как это пальчиком сбивать пепел с кончика сигареты и видеть, как кончик сигареты вспыхивает ярким красным огоньком, от твоего дыхания...

– Дурацкое желание, но вдруг захотелось! – словно оправдываясь, бормотал мужчина, не глядя на Верочку.

Его взгляд был прикован к воде, словно он уже видел то место, куда плюхнет его тело. Словно он вот-вот...

– У меня жвачка есть, хотите? – неожиданно предложила она.

– Жвачка? – мужчина посмотрел на нее с недоумением, словно в первый раз увидел.

Похоже, он слишком глубоко ушел в свои мысли, погрузился в ожидание смерти и голос девушки ударил его словно током.

– Какая, к чертям собачьим жвачка? Я смерти хочу, а она «жвачка». Дура! – мужчина попытался грозно махнуть в ее сторону кулаком, опять чуть не сорвался и замер, крепко сжав губы.

Над черной водой повисла тяжелая пауза. Верочка тяже-

ло дышала, обида в ней нарастала как снежный ком, колола холодными иголочками сердце, мешала глубоко вздохнуть.

– Извините, я не хотел... все так неожиданно... простите, если сможете! – не глядя на Верочку, попросил он.

Верочка глубоко вздохнула, медленно выдохнула, выталкивая из себя вместе с воздухом обиду и злость. Дура, конечно дура, человек сейчас умрет, а ты на него обижаться вздумала. Да ты сама сейчас холодным бревном поплывешь по реке, дура. Она представила себя утопленницей, и ей захотелось разрыдаться, но получилось лишь всхлипнуть.

– Я сам виноват, никогда не умел разговаривать с женщинами, – словно оправдывался мужчина, – но такой момент в жизни. Неприятный момент, надо сказать, – он покашлял, шмыгнул носом, отвернулся в сторону, пряча лицо.

А ведь он плачет, подумала Верочка, мужчина, и плачет, бедненький! Ей захотелось погладить его по голове, прижать к груди и ласково так пошептать в лохматую макушку: «Все будет хорошо, мой маленький! Все будет хорошо! Баю-бай, мой маленький, спи спокойно!» Так бабушка успокаивала их с сестрой после бурных ссор. Но он вон где, а она тут и никак...

– А вы поплачьте, вам легче станет. Я всегда плачу, когда мне плохо.

– И как? Помогает? – хриплым голосом поинтересовался мужчина.

– Помогает... иногда... – Верочка вздохнула.

– А ты... вы..., тьфу черт, давай уж на ты, так проще.

– Давайте, ой, давай...

– А ты чего сюда-то прибежала? О жизни подумать, свежим воздухом подышать?

– Нет... я утопиться хочу... я никому не нужна... – Верочка произносила вслух слова, которые никогда и никому не сказала бы вот так запросто, и язык не отсох, дыхание не прервалось. – А так, один шаг и все...

– Станешь всем нужна?

– Нет... я как-то не думала об этом... скорее всего нет, еще и ругать будут, душой обзывать. А вы то... то есть ты-то чего сюда пришел?

– Достало все! Надоело! Устал я до чертиков! Надоело быть за все крайним! А вот нате вам, выкусите! Посмотрим, какие у вас рожи будут, когда я утоплюсь! Ха-ха-ха, – мужчина хрипло рассмеялся, представив, по всей видимости, лица тех, о ком говорил. – Я им говорил, вдалбливал в их пустые головы, что так делать нельзя, а они сделали. И что?

– И что? – эхом отозвалась Верочка, не отрывая взгляда от горящих праведным гневом глаз мужчины.

– Они сделали по-своему, проект развалился, а виноват во всем кто?

– Кто?

– Виноват я! А почему?

– Почему? Вы ведь...

– Потому что больше всех надо, потому что сию на рабо-

те до темна, потому что дома только голодный кот и злобный телевизор, потому что дурак... – мужчина внезапно замолчал, поник, словно сдувшийся футбольный мяч.

– Нет-нет, вы не дурак! – попыталась ободрить его Верочка. – Нельзя же так падать духом, нужно найти в себе силы...

– А сама-то? – грубо перебил ее мужчина.

– Что сама? – не поняла Верочка.

– Сама-то чего не стала в себе силы искать, чего топиться побежала?

– Дурак! – обиделась Верочка и отвернулась, чтобы скрыть брызнувшие слезы горькой обиды.

В такую минуту... она ему душу открыла... помочь хотела... а он, как все... гад... козел.

– Ты это... извини! Я не со зла... вырвалось случайно... в запале я был, – в голосе мужчины слышалась тревога и раскаяние.

Ему не все равно, полоснула по сердцу нежданная мысль, он переживает, он не такой как все.

– Скажите, а почему у вас кот голодный? – тихо, боясь спугнуть призрачную надежду, спросила Верочка.

– Кот? Черт его знает, он всегда голодный, по-моему, – не очень уверенно ответил мужчина. – Как ни придешь, орет истошно, трется как щетка, чуть не зубами к холодильнику тащит.

– Может быть, он так свою любовь выражает?

– Как это? Через холодильник?

– При чем тут холодильник? Он вам показывает, что все делает правильно. Вот вы с работы пришли и будете его кормить, а он очень хочет поскорее вам показать, как он это здорово умеет делать!

– Что делать-то? Жрать?!

– Во-первых, не жрать! Жрать – свинячье дело. А, во-вторых, он хорошо кушает и это должно наполнять сердце хозяина радостью.

– Никогда бы так не подумал.

– Кстати, в квартире остался хоть кто-то, кто накормит кота, когда вы... когда ты...

– Нет конечно. Вот ведь незадача, про кота я и не подумал как-то.

– Вот и я, как ваш кот... как твой кот... обо мне тоже никто не думает.

– Брось ты, так не бывает, – неуверенно подбодрил мужчина Верочку. – Есть же кто-то, кто тебя любит. Или кому ты деньги должна, – пошутил он и сам улыбнулся своей шутке.

– Никому я не должна, нет такой привычки – деньги в долг брать, – отрезала Верочка, чувствуя, как тает в холодном воздухе призрачная надежда.

– Я в общем-то тоже... стараюсь... А как же с котом быть? Ума не приложу, не идти же за ним.

– Зачем за ним идти? Вы что, как Герасим Муму... утопить его хотите? Душегуб! – возмутилась Верочка, представив, как мужчина прыгнет в воду, прижимая к себе бедное

животное.

– Не собирался я его топить. Выпущу на волю и ключи от квартиры соседке в почтовый ящик подкину, пусть разбираются, кому она достанется.

– А соседка тут при чем? Скажут, что убила соседа и квартиру прикарманила. Или бандиты на нее наедут и пристукнут за твою квартиру, как лишнего свидетеля.

– Слушай, а ты позитивнее думать не пыталась? – в свою очередь возмущился мужчина. – Хотя... если задуматься... действительно глупость получается.

– Шли бы вы... шел бы ты... домой... к коту. Супчику поешь, комедию посмотришь.

– Нету у меня супчика, я в столовой обедаю, а дома бутербродами.

– Как же так? У тебя свой дом есть, а супа нет? А я люблю суп готовить, только никто даже спасибо не скажет, – она хлопнула носом, вспомнив, как сестра молча съела суп, читая книжку.

– Слушай... – мужчина запнулся, не решаясь сказать следующее слово, – пойдём со мной, а? Я тебе кота покажу, он у меня такой здоровый... А ты супчика приготовишь, сто лет домашнего супчика не ел, – он зажмурился и сильно втянул воздух через нос, словно пытался дотянуться носом до спрятанного в далеком прошлом маминого супчика.

– А потом? – насторожилась Верочка.

– Потом как захочешь. Если все будет плохо, обратно вер-

немся, мост никуда от нас не убежит, – он застенчиво улыбнулся и часто заморгал, смешно дергая носом.

А у него красивые глаза и ресницы такие пушистые, как у девчонки. Ему бы побриться, подстричься и красавец мужчина. Только что с того? Супчику поедим, потом в постельку, потешится, гад и бросит, все мужики сволочи, у них одно на уме...

– Давай... те. Не денется, куда ему деться железному? – она улыбнулась и решительно повернулась, чтобы перехватиться за перила.

Мужчина вспыхнул счастливой улыбкой, дернулся, словно пытался махнуть ей рукой и сорвался вниз. Он так и падал, счастливо улыбаясь, еще не понимая, что квартира, кот, супчик, девушка с каждым мгновением все дальше от него. Еще миг и их разделит смерть.

– Не-е-е-т! – закричала Верочка и бросилась вниз.

Холодная вода ударила с твердостью асфальта. Верочка ушла глубоко под воду, пробкой выскочила на поверхность и увидела проплывающее мимо нее безвольное тело мужчины. Не чувствуя холода, она рванулась к нему, схватила и перевернула лицом вверх – мужчина не дышал.

Верочка заплакала от безысходности, от глупой случайности, столь безжалостно погасившей едва родившийся лучик надежды на лучшую жизнь. В отчаянии она ударила рукой по воде, но попала по лицу мужчины. Тот дернулся и, поперхнувшись, выплюнул воду из себя. Начал судорожно

кашлять и снова чуть не утоп.

– Я с тобой... я с тобой... – дрожащими от радости и холода губами шептала Верочка, – я тебя никому не отдам, – твердила она, загребая одной рукой и цепко держа второй мужчину за ворот рубашки. – Давай, миленький, помоги мне, греби немножко, тяжелый ты, не справишься мне одной.

Мужчина дергался, бестолково стучал руками и ногами, больше мешая, чем помогая Верочке спасти его. Но берег, тем не менее, неожиданно ударил по ногам. В темноте он казался недостижимым и далеким, как коммунизм.

Верочка уперлась ногами в илистое дно и потащила мужчину к берегу. Он перевернулся на живот и пополз на коленках, потом попытался встать, плюхнулся, его вырвало мутной жижей. Но что-то внутри него пробудило потаенные силы, он напрягся и встал, шатаясь, на ноги.

Так они и добрались до берега, поддерживая друг друга, спотыкаясь и падая, дрожащие от холода и невероятно счастливые. Ведь там, куда они спешили, их ждал теплый кот, квартира и супчик. Он будет, обязательно будет домашний супчик и телевизор перестанет быть злым.

Они шли по ночной улице, тесно прижавшись друг к другу, что-то бормотали трясущимися от холода губами, ничего не понимали из сказанного, но самое главное было ясно и без слов – на мост они больше не вернутся. Никогда. Ни при какой погоде.

К гадалке не ходи

Серенькое утро назойливо брезжило между занавесок спальни, напоминая изображавшим спокойный сон супругам, что просыпаться все равно придется. Сейчас зазвонит будильник, потом соседи сверху начнут топтать, собирая чад в садик и в школу, строго по расписанию дебильный таксист начнет бибикать неспешно собирающейся жене и разбудит весь дом.

Все равно придется просыпаться или делать вид, что просыпаешься, хотя за ночь не сомкнул глаз, прислушиваясь к дыханию своей половинки. Неизбежное свершится вне зависимости от желаний, потому что судьба, потому что predeterminedness, не человеку менять неподвластное его мелкой сущности.

– Спишь, – шепотом поинтересовалась она.

– Нет, проснулся уже, – продолжая игру, сонно ответил он.

– Пора вставать, – вздохнула она, думая, в чем пойдет сегодня.

Событие важное, знаковое! Одеться повседневно, значит обидеть судьбу. Но, как назло, торжественное и знаковое одеть не позволяли несколько расплывшиеся формы, а доступное выглядит праздничным разве что для работы.

– Куда спешить, без нас не начнут, – попытался пошутить

он, но шутка повисла в воздухе.

– Тебе рубашку погладить нужно, ты в какой пойдешь? – она решила начать с его проблем, раз уж в голову ничего путного не приходит. – Что приготовить на завтрак?

– Завтрак? Ты можешь есть в такой момент? – в его голосе звучало раздражение и сарказм, но она не обиделась.

По утрам, спросонок, на голодный желудок он никогда не отличался ангельским характером. Но, допивая утренний кофе, приходил в состояние умиления и осознания, что у него самая замечательная и обаятельная жена, красавица, искусница и самая любимая женщина. О чем он незамедлительно и сообщал ей, мешая собираться обниманиями и поцелуями. Она ворчала и отпихивала его, но в душе радовалась этим маленьким проявлениям нежности и неизменно ждала их. Если бы однажды он поступил по-другому, она бы непременно обиделась, насторожилась и начала ревновать.

– Могу, – улыбнулась она, – почему нет? Не потоп, не землетрясение, ничего неожиданного не случилось. Мы знали об этом еще год назад и были готовы. Почему бы не позавтракать, раз уж есть такая возможность? Не глупи, все нормально или ты против?

– Против чего? – буркнул он, поднимаясь с постели и на шаривая ногой тапки. – Раз надо, значит надо, хотя глупости все это.

– Ага. А две ссоры и три счастливых события в прошлом месяце произошли случайно? Именно в предсказанные дни,

именно с теми людьми, именно там, где и предсказали? Это судьба и ты сам с этим согласился! Не будь ребенком, одевайся и завтракать!

– Не буду одеваться, – он бухнулся обратно в постель. Зацепившийся за ногу тапок взлетел к потолку и благополучно шмякнулся в аквариум. – Глупость все это! Предсказать, что мы поедем к морю в августе, может и слепой – мы всегда ездим к морю в августе. А ссоры и радости у нас происходят с завидной регулярностью, но ты заметила только предсказанные, потому что ждала их именно в эти дни. Попробуй убедить меня в обратном! – он лежал на спине, заложив руки за голову, упрямо уставившись в потолок.

Она вздохнула – ребенок, маленький капризный ребенок. А она мамочка – терпеливая, заботливая мамочка. Год назад, на дне рождения друзей они в шутку устроили гадания и шаманство, дурачились, придумывая друг другу всякие гадости и радости. Им гадал незнакомый мужчина, приглашенный хозяйкой в надежде на закрепление отношений. Гадания строились капитально, в ход шла кофейная гуща, воск, карты и, случайно обнаруженный в шкафу, хрустальный шар. На чудачества с интересом взидало чучело совы, посверкивая в полутьме огромными пластмассовыми глазами. Было весело, интересно и немножко жутко.

Никто и не думал принимать нагаданное всерьез. По сути, ни у кого ничего и не сбылось, но в их случае судьба явно решила проявить заботу. После второй ссоры она случайно

посмотрела на календарь, вспомнила про гадание и кинулась лихорадочно вспоминать, когда именно произошла первая ссора – даты совпали! На этот же день было предсказано радостное событие. Душа замерла в предчувствии.

За окном требовательно загудел автомобильный сигнал. Поначалу она не обратила внимания, но настойчивость водителя начинала раздражать. При хорошем настроении, можно было бы просто закрыть окно и включить телевизор. Но раздражение толкнуло к окошку, и она почти крикнула: «Да, заткни ты свою гуделку, идиот!» Но не успела – перед подъездом стояла новенькая белая машинка, и снизу вверх на нее смотрел он. Именно он нажимал на сигнал и звал полюбоваться обновкой.

Она чуть не свалилась на пол, хорошо подвернулась табуретка – ноги ослабели и не держали. Муж купил машину, обещал и купил, долго собирался и наконец-то выполнил обещанное. Но не это главное. Главное, что это произошло именно в этот день. Потом они обмывали покупку с друзьями, вспоминали ухажера подруги и его гадания, шутили по поводу случайности совпадений, но у нее никак не получалось ответить на главный вопрос – а что дальше?

А дальше все происходило в точности по графику – радостные события и ссоры чередовались, как полустанки, с точностью курьерского поезда. Но поезд всегда прибывает к станции назначения, и этот момент наступил. Сегодня развод. Им было предсказано, что именно в этот день они раз-

ведутся. Что бы они не делали, это произойдет, потому что нарушение хода вещей вызовет вселенскую катастрофу.

Месяц тому назад они договорились, что в этот день не будет никаких стрессов – все пройдет чинно и благородно. Мы же культурные люди, сказали они самим себе, чему быть, того не миновать и обойдемся без истерик и битья посуды. Месяц назад это казалось возможным и даже не страшным, забавным и не совсем реальным, словно речь шла не о них, а какой-то другой семейной паре.

– Давай никуда не пойдем, – тихо предложила она.

Вселенная вздрогнула и замерла в изумлении. Земной шар, скрипя осями и полюсами, испытал крохотное, едва различимое среди множества катаклизмов потрясение.

– Ты серьезно? – он приподнялся и недоверчиво посмотрел на нее. – Если ты так хочешь, давай не пойдем.

Континенты колыхнулись на разогревшейся от возмущения мантии, но движение было столь малым, что его не уловил ни один из самых чувствительных приборов. Но на глубине нескольких километров под их домом обрушилась карстовая пустота, вызвав перемещение грунта – фундамент дома принял дополнительную нагрузку как должное.

– А ты не хочешь? – удивилась она. – Это только мое желание? – в голосе звучали слезы и разочарование.

– Хочу. Извини, я неправильно выразился, сглупил, не мог поверить услышанному. Мы никуда не идем, к черту предсказания!

Фундамент прогнулся, но выдержал. Дом едва заметно, на доли миллиметра качнулся, и стену от крыши до асфальта прочертила трещина. Она казалась привычной и безобидной – легкий пунктир пробежал по штукатурке, наметив фронт работ для строителей на ближайшую неделю. Но под штукатуркой трещина продолжалась дальше вглубь бетонных плит и требовала особого внимания строителей.

– Иди ко мне, котенок, – он протянул руки и крепко прижал к себе горячее, нежно любимое тело. – Судьба – это мы, – шептал он, целуя ее в ушко, – мы будем жить вечно и вместе. Мы любим друг друга и никому ничего не должны! Пусть весь мир провалится в тартарары из-за глупых гадалок, но мы никуда не пойдём и никогда не расстанемся, пока...

– Твою же мать! – раздался за окном зычный мужской голос. – Где эта гадалка из проектно-сметного, растудыть ее в качель? При таком фундаменте, – пищал мужик, изображая проектировщицу, – дом даст трещину уже в мае! Давить таких гадалок нужно, полено ей по загривку! Чего встали, валенки туруханские? Звони в СМУ, вызывай бригаду – нужно замазывать трещину, пока прокурор не пожаловал.

Он и она переглянулись, счастливо рассмеялись и спокойно уснули, наплевав на шум за окном, назойливый будильник, топот детей над головой и гудки дебильного таксиста. Счастье – жить так, как этого хочешь ты и твое сердце, а не так, как придумала неведомая судьба. Судьба существу-

ет для тех, кто готов ей подчиняться.

Хотя с другой стороны – стена ведь треснула точно по расписанию!

Нежные чувства

Софочка жеманно хихикала и забавно вскидывала при этом носик. Пантелеймон Селиверстович Скоробогатов, выгнув причудливо шею и согнувшись под хитрым углом, чтобы не дай бог не коснуться девушки телом, шептал ей на ушко абсолютную чушь. Его речь была столь же пламенной, сколь и невнятной, поскольку Пантелеймон ужасно шепелявил и картавил, из-за чего речь его напоминала шуршание заезженной до неприличия грамофонной пластинки.

– Вы поймите, Софья Сергеевна, мы с вами, как две птички парим на крыльях нашей любви, – в его исполнении это звучало как «вубви» и Софочка хихикнула, – но пора же нам свить гнездышко семейного счастья, чтобы, так сказать, укрепить наши чувства. Согласитесь, что гнездо, то есть семейный очаг, так сказать, вещь немаловажная в любви. Трудно любить на холоде, – Пантелеймон непроизвольно поежился и тихонько вздохнул, скомкав в усах едва не выскочившее следом «и в голоде».

Они сидели на холодной скамейке в пожелтевшей осенней аллее парка уже битый час и Пантелеймон с огорчением замечал непрестанно усиливающееся желание перекусить. Произнося пылкие речи за укрепление нежных чувств, он мысленно рисовал себе приятные картины кухонной суеты, скворчащие на сковородке котлеты, исходящий паром

борщец в широкой тарелке и огромные ломти свежего пшеничного хлеба. Особенным образом рядом с каждым живописуемым предметом еды неизменным стражем возникала стопочка с водкой.

– Вам, Софья Сергеевна, к лицу этот чудный румянец, но много лучше было бы сейчас, – он чуть не ляпнул «тяпнуть водочки и за обед», – посмотреть новый фильм в стенах родного дома. Так приятно, когда тебя, – «кормят ужином» утонули в длинном глотке опасные слова, заменившись на вполне нейтральные, – согревает дружеское плечо. Но еще лучше, когда это плечо любимого человека.

– Какой вы необычный, Пантелеймон Селиверстович, как интересно вас слушать, – промурлыкала Софочка, чувствуя, как ножки, обутые в легкие босоножки и лишь формально одетые в тончайшие колготки, постепенно замерзают.

Она плотнее сдвинула прелестные ножки, подтянула на колени сколько было возможности короткую юбку и тошно вздохнула, гася в медленном выдохе зарождающийся чих. Так и до насморка недолго, – подумалось ей.

– Вы, Софья Сергеевна, не подумайте ничего плохого, – озаботился Пантелеймон, неправильно истолковавший Софочкин вздох и особенно поправленную юбку. – Не хотите давать ответ, я потерплю. Скажите лишь, могу ли я надеяться на вашу благосклонность? Ведь годы летят, ах годы летят, – промырлыкал он не музыкальным голосом слова известной песенки.

Замуж Софочке хотелось ужасно, но Пантелеймон Селиверстович не пробуждал в ее девичьей душе нежных чувств. А без этого непременно атрибута, по здравому рассуждению Софочки, какая же может быть речь о любви. К тому же проживал ее ухажер в рабочем общежитии и видов на жилье не имел никаких. Сама же Софочка жила с родителями в сталинских времен обширной трехкомнатной квартире и делить ее с первым встречным не собиралась категорически.

– Вот вы, Пантелеймон Селиверстович, о гнездышке речь заводите, а есть ли у вас виды на этот предмет? Мне не хотелось бы наш семейный очаг затевать среди моих родителей. Поймите меня правильно, – извиняющимся тоном оправдывалась Софочка, – родители у меня старенькие, квартиру нашу менять нет никакой возможности. Так о каком гнездышке вы ведете речь, Пантелеймон Селиверстович?

В ее чудной белокурой головке теплилось ожидание некоего чуда, к примеру окажется, что далекая тетушка оставила наследство или умерший дядюшка отказал Пантелеймону хотя бы однокомнатную, но лучше двух- или даже трехкомнатную квартирку. Более того, ей чудилось, что та квартирка по чудесному совпадению окажется, если и не в подъезде их собственного дома, но хотя бы в соседнем, в крайнем случае в доме напротив. Вся душа ее замерла в ожидании волшебных слов.

– Что же я скажу вам, Софья Сергеевна? Вы чудный цве-

ток майской розы, пылающий бутон свежести и красоты, ваша чудная фигура сводит меня с ума, – поставил старую пластинку на свой граммафон слегка упавший духом Пантелеймон. – Когда я слышу ваш голос, в душе моей поют ангелы. Я люблюсь каждым вашим движением и помню каждое ваше словечко.

Он надеялся увести ее мысли куда-нибудь подальше от опасной темы, заболтать, навешать красивой цветной лапши на прелестные ушки своей возлюбленной. Но тревожный колокольчик лихорадочно гремел в ушах – пора делать ноги, если не хочешь выглядеть глупо. Сказать по правде, Софочка ему не нравилась совершенно, была она, по его мнению, глупой, вздорной и кукольно красивой. Родители ее воспитали в совершеннейшем восхищении самой собой и любые намеки на несовершенство могли кончиться для ухажера плачевно.

Но квартира, трехкомнатная сталинская обширная квартира манила Пантелеймона Селиверстовича с колдовской силой. Ночами, мучаясь от бессоницы под храп соседа по общаге, он представлял себе уютную спальню, обширную гостиную, просторную кухню, на которой скворчат на сковородке котлеты. Столовая еда в такие моменты вела себя предательски безобразно, мучая организм Пантелеймона коликами и газами.

– Любовь, Пантелеймон Селиверстович, вещь приятная, но что вы скажете фактически по вопросу гнездышка, как

вы себе представляете наш семейный очаг?

Софочка совершенно не собиралась выходить замуж за этого худого жилистого бухгалтера, прятавшего глаза за толстыми стеклами очков и смешно топорщащего усы при разговоре. Вид у него был чистенький, но не более того. Не было в ухажере лоска и шика, столь богато представленного в кино и книжках. Трудно было представить его упавшим на одно колено и протягивающем даме своего сердца, Софочке естественно, огромный букет алых роз. Более того, он всячески уводил ее подальше от тех мест, где они могли нарваться на диких бабулек, стремящихся всучить влюбленным парочкам цветочные бомбы.

С другой стороны, если будет возможность устроить приличное гнездышко, отчего бы и не согласиться. Софочка рассуждала совершенно трезво и отстраненно, входя в дикий контраст с кукольно красивым личиком. А что прижимист, так для семейной жизни это даже и неплохо – лишнюю копеечку не потратит, все в дом, все милой женушке на подарочки и наряды. Вот только не слышно волшебных слов, от которых в ее душе вполне могли бы зародиться и нежные чувства к этому смешному, не первой молодости костлявому ухажеру в стареньком костюмчике.

– Как я его себе представляю? – переспросил Пантелеймон, оттягивая неизбежное.

– Да-да, расскажите подробнее, мне это ужасно интересно, – ободряюще улыбнулась Софочка и, продолжая наде-

яться на чудо, ловко поцеловала ошалевшего Пантелеймона в щечку.

Поцелуй, точнее слабый намек на него, легкое, похожее на дуновение ветерка, касание губ, прошел для сознания Пантелеймона незамеченным. Во-первых, в животе нещадно урчало и звук этот грозил быть услышанным прелестной соседкой. Во-вторых, в голове не было совершенно никаких идей, которые дали бы ему надежду на передышку и перегруппировку мыслей. В-третьих, он ужасно замерз и мечтал в данный конкретный момент о стопке водки, нежели о продолжении глупого разговора с этой дурой. И, кстати, какая же ты дура!

– Я дура? – поперхнулась Софочка, выпучив глазки.

Ее кукольное личико превратилось в рыбью маску, рот некрасиво перекосился, носик сморщился и она оглушительно чихнула, обрызгав Пантелеймона слюной.

– Вы хам, вы... недостойный... у вас нет квартиры... вы только врите все... – стреляла она обвинениями, всаживая пули упреков в остывающее сердце Пантелеймона.

Он уже понял, что последнюю фразу неосторожно произнес вслух. Он понял, что ни малейшего шанса вернуться на исходные позиции он не имеет. Он понял, что... ужасно хочет выпить и что-то съесть, ему страшно надоело мерзнуть с этой дурой на скамейке, в сердце его не осталось не то что нежных чувств, но даже слабого влечения к Софочке.

– Подумаешь, цаца! – подскочил он со скамейки. – Квар-

тиру ей подавай! А это не хочешь? – он вытянул в направлении лица Софочки руку и та с ужасом узнала в сплетении пальцев обычнейшую фигуру. – Ты еще повыбирай, повыбирай, девушка, глядишь и прискачет принц на белой кобыле. Только тут тебе не сказка, мужиков нынче в лесу с собаками не найдешь. К тебе с открытым сердцем... птички... любовь... Вот и... – он махнул рукой и отвернулся, кутаясь в кургузый пиджачок.

Плечи его вздрагивали, голова склонилась к груди, ветер лохматил волосы, давно мечтающие о стрижке. А ведь он плачет, – с щемящей тоской в сердце подумала Софочка. – Милый... какой же он милый... он же любит меня, а я... чем я отплатила ему?

Софочка чувствовала, как что-то незнакомое теплое растекалось от сердца, поднималось все выше и выше, подбиралось к глазам и делало глаза мокрыми. Носик ее зашмыгал, слезы умиления и неожиданной радости готовы были политься ручьем из глаз. Нежное чувство заполняло все ее существо. И таким несущественным в этот момент стало отсутствие квартиры, нескладная фигура и старенький костюм, протертый на рукавах. Все отодвинулось на задний план, а на переднем плане, на авансцене Софочкиной души стоял влюбленный в нее мужчина, плачущий от того, что она обращалась с ним жестоко и бессердечно.

– Пантелеймон Селиверстович, я люблю вас, не покидайте меня, – ей показалось, что она крикнула это на весь белый

свет и испуганные голуби должны были взлететь над парком, а прохожие испуганно обернуться.

На самом деле губы ее прошептали едва слышно очень важные для нее слова. Ветер, до того беспечно резвящийся и крутящий в разные стороны опавшие листья, бережно подхватил слабый Софочкин призыв и аккуратно донес до ушей Пантелеймона Селиверстовича. Тот вздрогнул от неожиданности, потом до сознания его дошел смысл сказанного и он стремительно обернулся, не веря своему счастью.

Совершенно обычные книжные затрепанные столетиями слова породили в его сердце бурю нежных чувств. Скуластое и некрасивое лицо его, озарилось столь счастливой улыбкой, а в глазах его вспыхнул столь жаркий огонь надежды, что в этот миг он стал самым красивым для Софочки мужчиной.

Софочка протянула к Пантелеймону Селиверстовичу тонкие свои руки и сделала шаг навстречу. Тотчас и он кинулся к Софочке, заключив ее в крепкие объятия. Они стояли, крепко обнявшись, раскачиваясь под ударами бури нежных чувств. Софочка загадочно улыбалась, а Пантелеймон Селиверстович шептал ей на ушко одно лишь слово «люблю», повторяя его на разные лады, перемежая звуки нежными едва заметными поцелуями. И Софочка удивительным образом не замечала странного преобразования этого слова в невнятное «вубвю».

Нежные чувства переполняли влюбленные сердца, выплескивались в окружающее пространство и проказник ве-

тер подхватывал и разносил их по окрестностям. С шумом взлетела потревоженная голубинная стая. Понимающе переглянулись старички на скамейке. Мальчик с девочкой взялись за руки и весело побежали в песочницу. Серые тучи убегали прочь, уступая место нежаркому осеннему солнцу. Природа всегда рада нежным чувствам и отзывается на них теплом и солнцем. Не замечали?

С аудиоверсией рассказа можно познакомиться по адресу:
<http://linear.ucoz.ru/NegnyeChuvstva.mp3>¹

---

¹ <http://linear.ucoz.ru/NegnyeChuvstva.mp3>

Доктор

– Здравствуйте, доктора вызывали?

– Простите, вы кто?

– Соображайте быстрее, объявление в газете, вы позвонили, назначили время...

– А-а-а, так вы...

– Значит, вызывали?

– Да-да, проходите, пожалуйста! Извините, я не совсем готова, как-то все это неожиданно. Пойдите, куда же вы, а тапочки?

– Так, так, интересно. Кабинет, кухня, спальня, хорошая у вас кровать – обширная. Я, собственно к вам! Лидия, если я не ошибаюсь. Кстати, встречать доктора поутру в халате на голое тело не рекомендуется. За тапочки спасибо, я тут пока переобуюсь, а вы бегом одеваться. Трусики и лифчика будет достаточно, халатик можете оставить. И не нужно так смущаться, я же доктор.

– Извините, я сейчас, я быстренько.

– У вас кофе есть?

– А, что?

– Кофе хочется с утра, не выспался, если не сложно сварите свеженького, Лидия!

– Уф-ф-ф, какое наслаждение, чудный кофе, спасибо, вы меня спасли, Лидия.

– Ой, да что вы, если хотите, я еще сварю!

– Хорошо, учтем на будущее. А пока присядьте, я хочу сразу все расставить по местам, чтобы у вас не было напрасных иллюзий. Устраивайтесь поудобней, вы же у себя дома, Лидия. И улыбнитесь. Я хочу увидеть вашу улыбку, представьте, что вы мне очень рады. Отлично!

– Итак, в объявлении звучало слово «Дорого!» – это действительно так. Но... если за один сеанс я не сделаю вас счастливой, вы мне ничего не должны. Это раз! Второе, вы сами оцениваете качество услуги по трехбалльной шкале, для каждого значения есть своя стоимость. Мужчины стараются заплатить подороже, надеясь, что дороговизна помогает решению проблемы. Женщины норовят заплатить поменьше, справедливо предполагая, что услуга уже оказана, второй раз мы вряд ли встретимся и совершенная глупость платить втридорога, если можно сэкономить.

– Ну что вы, у меня нет проблем с деньгами, если хотите, я могу заплатить сразу, сколько скажете. Не в деньгах счастье, мне бы...

– Лидия, я не закончил, имейте терпение. Терпение и еще раз терпение, его вам нынче понадобится очень много. Мне не нужны ваши деньги и тем более не нужна предоплата. Я не продаю свои услуги.

– Извините, а как же... там же в объявлении... вы же сами писали...

– Еще раз, читайте по губам: «Я не продаю свои услуги!»

Вы делаете мне подарок. От души, в меру признательности, в размере, который ваша душа определит самостоятельно. Вы понимаете, что о предоплате никакого разговора быть не может?

– Я совсем запуталась, но вам виднее. Сейчас столько всяких теорий, специалистов, у меня уже голова кругом идет. Вы знаете, я прочитала все, что возможно, но результата нет. Жизнь проходит мимо меня, а так хочется счастья, простого женского счастья.

– Платочек есть?

– Что?

– Платочек, чтобы плакалось комфортнее. Только помните – в нашем распоряжении всего час. Мы можем потратить его на выслушивание ваших жалоб на жизнь, а можем заняться исправлением этой самой жизни. Выберите, что вам больше нравится!

– Пожалуй, я бы хотела второе...

– Что? Не слышу, скажите четко и понятно.

– Я хочу исправить свою жизнь!

– Чудненько! Слово сказано. Оглянитесь по сторонам, замечаете изменения?

– Не-е-е-т, а что, должно было что-то измениться?

– Нет, конечно. Если бы слова меняли нашу жизнь, мы бы жили при коммунизме. Я хочу, чтобы вы, Лидия, это четко поняли – словами жизнь не изменить. Вы можете давать себе обещания, писать записки и развешивать их по стенам,

читать мантры и заниматься самогипнозом. Жизнь меняется только делами.

– Я согласна, что нужно сделать?

– Кофе сварите!

– А это поможет?

– Вам? Нет, кофе мне. У вас хорошо получается варить кофе, Лидия.

– Ой, да что вы, обычный кофе, я и не замечаю даже.

– А я замечаю, профессия у меня такая – все замечать. Запомните, милая девушка – вы замечательно готовите кофе! Кстати, у вас достаточно жарко. Если вы не против, то можете скинуть халатик. Что вас так удивляет? Я хочу увидеть вашу фигуру. Вы будете готовить кофе, а я буду заниматься своим делом. Вас что-то смущает? Если я не ошибаюсь, вы собирались просто заняться со мной любовью. Нет? Лидия, теряем время!

– Как-то это все необычно.

– Умница! Хотя, я рекомендовал вам надеть еще и лифчик, но сделанного в карман не воротишь. Священнодействуйте, куртизанка вы наша!

– Вот ваш кофе, доктор. Я могу одеться?

– Нет, не можете. Садитесь на место, продолжим.

– Мне как-то неудобно, может, я все-таки надену халатик?

– Лидия, делайте, что вам говорят, сядьте и забудьте про этот чертов халат!

– Умница! Румянец вам к лицу, только не упирайте взгляд

в стол, вы прожжете в нем дырку. Смотрите мне в глаза, забудьте про свою обнаженность, вы у себя дома, вы можете делать все, что взбредет вам в голову, а гости, если им не нравятся, пусть проваливаются к чертовой матери!

– Так лучше?

– Вот! Именно так, с вызовом, дерзость во взгляде, хитрый чертик на кончике языка! Запомните, Лидия – вы девушка, вы хорошо сложены, у вас женственная, подчеркиваю, женственная фигура. Вашим прелестям многие могут только позавидовать, а вы комплексуете. Совершенно напрасно! Быстро представили себе – я ваш муж, шейх, зашел в гарем выпить чашечку ароматного кофе, ваша задача привлечь внимание мужа, вы одна из сотни. От вашего старания зависит, получите вы сегодня удовольствие или продолжите созерцание павлинов в парке.

– Ставлю десять против одного, что восточными танцами вы не увлекались.

– Что? Так ужасно получилось?

– Напротив, вы чудесно потянулись, ваши движения исполнены шарма, неги, призыва. Вы действительно хотите мне понравиться. Я прав? Вы бы хотели сейчас оказаться со мной в постели?

– Да... я хочу... хочу прямо сейчас...

– Стоп! Свет в студию!

– Вы издеваетесь надо мной?

– Нет, Лидия, нет, я привлекаю ваше внимание к вашей

му чувству. Вспомните, как именно вы только что смотрели на меня, что мелькало перед вашим внутренним взором, о чем вы только что думали, мечтали, представляли? Повторите еще раз, хотя бы частично, только без театральности. Пробудите в себе то же самое состояние и не стесняйтесь, бога ради!

– Вот, вот оно! Знаете, как отзовется на этот взгляд мужчина?

– Сбежит?

– Если сможет. От такого взгляда его достоинство ментально придет в боевую готовность, куда ему бежать? Но не этого мы добиваемся. Попробуйте то же самое, но дозу поменьше, самую малость, чуть-чуть, на уровне узнавания. Скажите взглядом: «Я хочу тебя!»

– Я хочу тебя!

– Лидия, не голосом, взглядом! Мельком посмотрите на меня и глазами выплесните это чувство! Вот, так, умничка! Каким духами пользуетесь? Тащите сюда косметику!

– Скажите, Лидия, а вам не мешает обнаженность? Ничего, ничего, это я так к слову. Обратите внимание, вы уже чувствуете себя непринужденно, хотя шастаете по дому практически голая в присутствии малознакомого мужчины.

– Но вы же доктор! Вы же сами так сказали!

– Можно подумать, именно это вас раскрепостило. Просто запомните это состояние – вам хорошо и комфортно в любом состоянии, вы красивы и обаятельны, у вас заме-

чательное тело, ваша фигура женственна и грациозна. Вам приятно слышать это?

– Спрашиваете, я прямо и не знаю куда деваться от счастья. Мне никто не говорил столько комплиментов за раз. Честно говоря, мне их вообще никто не говорил.

– Запомните, Лидия, то, что я сказал, думает каждый мужчина, глядящий на вас! Прочувствовали?

– В самом деле? Вы мне льстите! Отродясь они так не смотрят. Что в стенку, что на меня, смотрят, как на манекен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.